

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тата Шу

УГОНЩИЦА

Тата Шу
Угонщица

«Автор»

2026

Шу Т.

Угонщица / Т. Шу — «Автор», 2026

Краснодар. Город, где жара — личное оскорбление, а судьба любит сталкивать людей в самый неподходящий момент. Он — владелец сети барбершопов и тюнинг-мастерской, мужчина с венгерскими корнями. Он привык контролировать всё: бизнес, время, эмоции. Его жизнь — это график, в котором нет места случайностям. И тем более — женщинам, которые пытаются украсть его внимание. Их встреча произошла на трассе, когда от фуры отлетело колесо. ДТП, крики, роды в чужом автомобиле — и одно мгновение, которое перевернуло всё. Так началась история, в которой нет места случайностям, даже если для этого нужно угнать чёрный БМВ.

© Шу Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	15
Глава 6.	17
Глава 7.	19
Глава 8.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Угонщица

Глава 1.

Жара в Краснодаре — это не погода, это личное оскорбление.

Габор Чедия вышел из подъезда ровно в семь утра, и воздух уже успел прогреться. Он прищурился, надел тёмные очки, и через три шага его накрыло запахом раскалённого асфальта. Город не спал. Город никогда не спал по-настоящему — он просто менял декорации.

Чёрный БМВ Икс Пять Эм стоял у бордюра, как хищник в засаде. Габор не спеша обошёл его — привычка, которую ему привил отец ещё на старой «копейке». Ласло говорил: «Машина — это женщина, сынок. С ней надо здороваться и смотреть, не обидел ли кто». Габор тогда смеялся. Теперь делал это молча, даже когда никого нет рядом. Всё чисто. Ни царапины.

Он сел за руль, повернул ключ. Мотор отозвался низким сытым рыком, и Габор на секунду замер, получая привычное удовольствие. Двести пятьдесят тысяч километров — и каждые из них он помнил. Особенно тот, когда на трассе под Ростовом его подрезал фургон с помидорами. Но это другая история.

Дзынь-дзынь.

Телефон завибрировал в подстаканнике. Кузьма.

- Слушаю, — Габор вырулил со двора, лавируя между припаркованными «Логанами» и одной «Приорой» с разбитой фарой.

- Габрик, ты где? — голос Кузьмы Горелова был бодрым до тошноты. Утро начиналось с кроссфита — это чувствовалось даже через динамики.

- Еду.

- Куда «еду»? У тебя первая встреча в девять. У меня — в десять. Час есть. Заезжай в «Крепость».

«Крепостью» они называли фитнес-клуб Кузьмы. Название придумал Габор в день открытия — глядя на голые бетонные стены и горы непроданного железа. С тех пор стены зашили в чёрный софт, железа добавили вдвое, а в клуб выстроилась очередь из тех самых девушек, которые смотрели на них как на кошелёк. И на пресс. Но в основном всё-таки на кошелёк.

- У тебя кофе нормальный есть? — уточнил Габор, вписываясь в поворот на Красную.

- А когда у меня его не было? Давай, жду. И кстати, к тебе вчера заходил один... — Кузьма сделал многозначительную паузу.

- Не надо. Я вчера был у родителей, я устал от людей.

- Ладно, при тебе расскажу. Приезжай.

Кузьма сбросил вызов, даже не попрощавшись. Габор не обиделся. Они были троюродными братьями, дружили двадцать семь лет — с тех пор, как в песочнице Кузя разбил ему нос совочком за то, что Габор отказался меняться грузовиком. На следующий день они вместе закапывали тот же совочек под рябиной. Навсегда. Или до первой девчонки. Как повезёт.

Клуб располагался в цокольном этаже нового жилого комплекса на Северной — не в центре, но статусно. Габор припарковался на своём месте (Кузьма поставил табличку «Для работников», и никто не рисковал связываться с чёрным БМВ). Внутри пахло аммиаком, хлоркой и дорогим кофе.

Кузьма Горелов стоял у стойки для встречи гостей в облегающей чёрной майке с логотипом «Кузя+» и трениках. Татуировки на предплечьях — волк и сложный геометрический

узор, который, по словам Кузьмы, означал «бесконечный цикл болтовни». Выглядело серьезнее, чем звучало.

- Привет, хищник, — Габор хлопнул друга по плечу. Тот даже не качнулся.
- Здоров, суслик, — Кузьма оскалился. — Кофе в баре. Свежий. Я сегодня в пять встал.
- Идиот, — беззлобно сказал Габор.
- Порядок. — Кузьма подмигнул. — Садись, расскажу.

Они сели за столик у панорамного окна, из которого был виден только подземный паркинг и вечно дымящая выхлопами «Газель» с шаурмой. Но вид в Краснодаре — это вопрос взгляда, а не места.

Кофе оказался отличным. Габор отхлебнул, поморщился от горечи и кивнул:

- Давай.

- Вчера приходил твой бывший работник из мастерской. Глеб, помнишь? — Кузьма понизил голос. — Уволился три месяца назад к другим, а теперь просится обратно. Говорит, там «не тот уровень».

- Не тот уровень, потому что там не платят? — Габор усмехнулся. — Глеб хороший механик, но бабник и язык без костей. Я его обратно не возьму.

- Я так и сказал. Он расстроился. — Кузьма отхлебнул свой кофе, не морщась. — А ещё приходила какая-то девушка. Спрашивала тебя.

Габор поднял брови.

- Какая?

- Не представилась. Тёмные волосы, глаза... ну, такие. — Кузьма сделал загадочное лицо. — На фигуру не смотрел, честно. Почти. Сказала, что хочет стрижку в твоём заведении. Лично от тебя. И что она готова ждать и платить любые деньги.

- Клиентка. — Габор пожал плечами. — Мало ли?

- Нет, Габрик. Не клиентка. Она на клиентку не похожа. — Кузьма откинулся на спинку стула, и татуированный волк на его руке напрягся. — У неё взгляд хищный. Твой взгляд. Знаешь, когда человек смотрит и уже всё про тебя понял, а ты про него пока ничего.

Габор промолчал. Он не любил загадок до девяти утра.

- Ладно. Придёт — увижу. — Он встал, забрал свой стакан. — У меня в девять встреча. Потом в барбершоп. Стричь сегодня буду сам до обеда.

- Иди работай, — Кузьма тоже поднялся. — Вечером за город ко мне? Родители мои шашлык обещали.

- У меня — к своим. Отец крышу на летней кухне хочет поменять, надо помочь. Мать сказала, что новых жильцов поселила, обещал пруд почистить.

- А, это вечная ваша семейная гостиница, — хохотнул Кузьма. — Давай, передавай привет тёте Кате и дяде Ласло.

Габор кивнул и вышел, снова попав в краснодарскую баню.

В машине он на секунду задержал руку на коробке передач. Что-то царапнуло. То ли слова Кузьмы про странную девушку, то ли тишина в телефоне — обычно мать заваливала сообщениями с утра, а сегодня молчала, наверно опять на базар торговать поехала. Сколько раз говорил ей: «заканчивай, не бедствуем».

Он завёл двигатель и нажал на газ чуть сильнее, чем требовалось.

Глава 2.

Парикмахерская «Чедия» располагалась в историческом центре, на улице Красной, в двух шагах от ЦУМа. Габор выкупил помещение три года назад, когда оно было заброшенной швейной мастерской с запахом нафталина и тоски. Теперь здесь пахло дорогим табаком, лосьоном после бритья и мужским спокойствием.

Чёрная плитка на полу, кожаные кресла, на стенах — чёрно-белые фотографии Краснодара начала двадцатого века. И огромное зеркало в деревянной раме, которое Габор нашёл на барахолке и приволок сам, чуть не убив спину.

За стойкой работала тихая Лена в очках — идеальный фильтр для клиентов, которые хотели «как у Кеши из соседнего подъезда, только бесплатно».

- Доброе утро, Габор Ласлович, — Лена улыбнулась. — У вас первая запись на десять. Мужчина, хотел модную стрижку.

- Хорошо. — Габор прошёл в своё кресло на втором месте. — Марина будет?

- Она уже здесь, в подсобке. У Лиды сегодня выходной.

Марина — старший мастер, его правая рука, которая держала весь порядок, пока Габор занимался развитием сети и тюнинг-мастерской. Идеальная пара.

Он надел чёрный фартук, проверил инструменты. Ножницы — три пары, машинка, расчёски. Всё на месте. Всё в порядке.

Ещё в детстве мать научила его держать расчёску и чувствовать волосы. Она говорила: «Габорушка, парикмахер — это лекарь души с ножницами. Клиент садится и через полчаса выходит другим человеком. Помни это». Он помнил. И когда открыл свою парикмахерскую, мать пришла на открытие, оглядела всё суровым взглядом и сказала: «Инструмент нормальный. Но кресла неудобные». Кресла пришлось менять.

Лена выглянула из-за стойки:

- Габор Ласлович, ваш клиент пришёл. Проводить?

- Да.

Клиент — обычный мужчина лет сорока — сел в кресло, заказал классику и замолчал. Габор стриг быстро, чётко, без лишних движений. Работа его успокаивала. В такие моменты он не думал ни о бизнесе, ни о девушках, ни о том, что Кузьма опять прав.

Мужчина ушёл довольный. Оставив обычные чаевые.

- Следующий? — спросил Габор, отряхивая фартук.

- Через пятнадцать минут — женщина. Записалась вчера вечером. Сказала, по рекомендации.

- По чьей?

- Не сказала.

Габор кивнул. Женщины в его заведении заходили редко — он специализировался на мужских стрижках, но отказывать не имел права. Тем более по рекомендации.

Он уже собирался взять в руки ноутбук, чтобы проверить отчёт по мастерской, как дверь открылась. На пороге стояла девушка. Тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, свободная рубашка на вылет, джинсы, кеды. Ничего специально привлекательного.

Но она смотрела на него так, будто уже тысячу раз видела это заведение, эту ситуацию, этого мужчину в чёрном фартуке и с татуировкой на руке.

Хищно.

Точно.

Габор невольно напряг плечи. Что-то внутри него шевельнулось и село на изготровку.

Девушка сделала шаг вперёд и остановилась, скрестив руки на груди.

- Здравствуйте, — сказала она спокойно. — Вы Габор Чедия?

- Да, — ответил он.

- Я слышала, вы лучший в городе.

- Это смотря в чём.

Она улыбнулась — быстро, опасно.

- В стрижке. Я ищу мастера. Мне нужно, чтобы меня подстриг человек, которому я смогу доверять.

- Доверять? — переспросил Габор, чувствуя, как разговор свернул куда-то не туда. — Это всего лишь стрижка.

- Нет, — она качнула головой. — Не всего лишь.

Стрижка заняла сорок минут.

Сорок минут ада, приправленного вежливостью.

Габор работал молча. Это было его правилом: клиент говорит первым, мастер отвечает. Она говорила. Много. И с таким выражением лица, будто читала не по ролям, а уже по жизни.

- А давно вы стрижёте?

- Не больно?

- А эта татуировка что значит?

- А почему вы не женились?

- Вам идёт чёрный цвет. Вообще все цвета идут. Вы заметили?

Габор заметил. И не только это.

Он заметил, как она наклоняла голову, чтобы случайно коснуться его пальцев. Как смотрела на него в зеркало — не отрываясь, с лёгкой полуулыбкой человека, который уже всё решил за двоих. Как поправляла волосы, хотя он их только что уложил.

- У вас лёгкая рука, — сказала она, когда Габор убирал накидку. — Может, отметим знакомство? Я знаю одно место. Уютный бар на Будённого. Там подают отличный виски.

Габор аккуратно стряхнул волоски с её плеч.

- Я не пью с клиентами.

- А с девушками? — она улыбнулась, и в улыбке было всё: и вызов, и обещание, и чуть заметная насмешка.

- Тем более, — ответил Габор ровно. Она не обиделась. Даже не сделала вида. Просто достала кошелёк, отсчитала купюры с щедрой накидкой сверху и положила на стойку. Потом взяла визитку со стола и сунула в карман джинсов.

- Тогда в другой раз, — сказала она на прощание. — Я позвоню. Или приду. Я упрямая.

- Вам понравилось? — спросил Габор вежливо, как спрашивают всех.

- Очень, — ответила она и посмотрела так, что стало ясно: речь не о стрижке.

Дверь за ней закрылась. Лена выдохнула. Из подсобки выглянула Марина с ножницами в руке и прищуренными глазами.

- Это кто? — спросила Марина.

- Не знаю, — ответил Габор.

- Она на тебя охоту открыла.

- Вижу.

Он спокойно сложил инструменты, протёр зеркало и «записал» в голове: «Клиентка, тёмные волосы, настойчивая».

Но внутри всё равно зудело. Не от страха. От ощущения, что эта женщина придёт снова. И не только за стрижкой.

Глава 3.

Вечер выдался тяжёлым.

Габор до семи провозился в тюнинг-мастерской: у одного клиента застучала подвеска, у другого — отвалилась защита картера после вылазки на природу. Глеба, которого он не взял обратно, не хватало. Но возвращать бабника и болтуна Габор не собирался. Гордость или принципы — он сам не разобрал. Просто знал, что если переступить через себя один раз, потом придётся делать это всегда.

Кузя ждал в баре «Кубань» — их месте. Не пафосном, не модном. Обычный бар на первом этаже старого дома, где наливали честно, кормили жирно, а хозяин Зураб не включал музыку громче разговора. Идеально.

Габор вошёл, заказал виски со льдом, сел напротив друга. Кузьма уже успел принять душ после вечерней тренировки, переодеться в чистую футболку. И приготовился съесть порцию рёбер.

- Ну? — спросил Кузьма, не жуя.

- Что ну?

- Приходила та девушка? Стриглась?

Габор молча кивнул и сделал глоток.

- И как?

- Как? — Габор откинулся на спинку стула. — Кузя, она полчаса строчила как пулемёт. «А вы холосты? А почему? А куда вы ездите вечером? А какую машину любите? А что вы делаете в свободное время?»

Кузьма поперхнулся.

- Серьёзно?

- Ещё не то. — Габор поставил стакан на столик. — Когда закончил, она суёт мне пять тысяч сверху и говорит: «Может, отметим знакомство? Я знаю бар на Будённого. Уютно. Пьём виски». Я отказался. Она: «Тогда в другой раз». И ушла. Без тени смущения. Будто уже договорились.

Кузьма молчал три секунды. Потом заржал.

Ржал он громко, захлёб, так что Зураб из-за стойки оглянулся. Кузьма хлопнул ладонью по столу, чуть не опрокинув солонку.

- Габрик, ты понимаешь, что она тебя не просто так предложила? — выдохнул он сквозь смех. — Без ухаживаний. Без романтики. «Пойдём в бар, а там видно будет»?

- Понимаю.

- И это не первая, между прочим. Третья за месяц. Третья, Габрик!

- Считаешь? — усмехнулся Габор.

- А ты нет? — Кузьма отсмеялся, вытер губы салфеткой и подался вперёд. — Слушай, я вчера в «Крепости» вообще сцену наблюдал. Приходит девушка, красивая, фитнесом пахнет. Я думаю, на тренировку. А она ко мне подходит и говорит без предисловий: «Кузьма, у тебя друг тот, высокий, брутальный? Дай телефон».

Габор поморщился.

- Дал?

- А как ты думаешь? Я сказал: «Он занят». Она: «Чем?» Я: «Жизнью». Она ушла. Но глаз положила. — Кузьма покачал головой. — Бабы, Габрик, совсем оборзели. Раньше хоть конфеты ждали, вздыхали, записочки подкладывали. А теперь? Раз — и прямо в лоб: «Пойдём, я готова лечь под тебя сегодня вечером». Без стеснения. Без намёков. Ну почти без.

- Почти, — хмыкнул Габор. — Эта сегодня сказала: «У вас лёгкая рука». Я ещё подумал — про стрижку. А она, оказывается, про возможности.

- Ой, да не смейся, — махнул рукой Кузьма. — «Лёгкая рука» — это классика. Это как «вы очень внимательный». Перевод: «ты будешь хорош в постели, я уже всё поняла».

- Откуда ты знаешь?

- У меня фитнес-клуб, я этих переводчиков каждый день слушаю. — Кузьма поднял палец. — Хочешь, расшифрую?

- Валяй.

- «Мне нужен личный тренер» — в смысле «я хочу, чтобы ты трогал меня два часа».

- Логично.

- «У вас красивые глаза» — «я уже представила, как вы смотрите на меня утром».

- Это лесть.

- «Вы такой спокойный» — «интересно, как вы теряете контроль».

Габор не выдержал, рассмеялся. Редко он смеялся так легко. Обычно Кузьме удавалось рассмешить, только когда они оставались вдвоём.

- А твоя сегодняшняя, — продолжил Кузьма, ловя волну, — «вы лучший в городе» — это вообще высший пилотаж. Не «ты богатый», не «у тебя машина». А «ты лучший». Понимаешь? Удар по самолюбию профессионала.

- И что ты предлагаешь? — спросил Габор. — Закрыть барбершоп и уйти в монастырь?

- Нет. Я предлагаю тост. — Кузьма поднял свой стакан. — За то, чтобы среди всех этих охотниц за кошельками, за тело и за «лёгкую руку» попалась одна нормальная. Которая не предложит лечь под тебя в первой фразе.

- И за это пьют?

- А за что ещё пить в тридцать два года, Габрик? — Кузьма серьёзно посмотрел на друга. — За надежду.

Они чокнулись. Сделали по глотку, как обычно для антуража.

Виски обжёг горло. Хорошо.

- Ладно, — Габор встал. — Поеду. Завтра рано к родителям.

- Передавай привет тёте Кате и дяде Ласло. — Кузьма подмигнул. — И смотри, по дороге не подбери кого-нибудь.

- Кого? — не понял Габор.

- Да любую. Из тех. Они сейчас на каждом углу. Увидят чёрный БМВ — и готовы лечь под колёса. В прямом смысле.

Габор усмехнулся, хлопнул друга по плечу, и они вышли из бара.

Ночь в Краснодаре была тёплой, тяжёлой, пахло пылью и жасмином. Где-то вдалеке лаяла собака. Где-то играла музыка из открытой машины.

Габор сел в свой БМВ, завёл мотор и поехал домой. Один. И его это полностью устраивало.

Глава 4.

Дом родителей стоял в пятнадцати минутах езды от Краснодара, в сторону станицы Елизаветинской. Недалеко, но мир уже был другой: вместо многоэтажек — поля, вместо пробок — запах травы и редкие фуры на трассе.

Габор свернул с асфальта на грунтовку, притормозил у шлагбаума, открыл его ключом — отец поставил пару лет назад, когда люди перестали признавать границы участка. БМВ мягко перекатился через колдобины и остановился возле дома.

Дом был старый, но крепкий, утопающий в саду. Ласло Яношевич перебрал его по брёвнышку — венгерская дотошность плюс казачья хозяйственность матери давали гремучую смесь. Сад начинался сразу за калиткой — и это был не просто огород, а целое царство, которое мать лелеяла.

Вдоль забора тянулись яблони. Габор с детства помнил их сорта на слух, потому что мать повторяла каждый год, заваривая варенье: «Вот это «белый налив», самое раннее, уже в августе ешь. А это «синап» северный, он до нового года лежит. А вон то дерево — «грушовка московская», твой отец её посадил, говорит, с его родины привозил саженец». Габор тогда не понимал, за столько лет запомнил — не выкинешь из головы.

Рядом с яблонями жались груши — рослые, раскидистые, усыпанные жёлто-зелёными плодами к концу лета. Отец говорил, что это сорт «лада», а мать спорила: «Какой «лада»? Это «чикаго», я сажала!». Они спорили каждый сезон, но груши были вкусными.

Дальше, ближе к дому, росли три вишни — старые, корявые, но плодовые. Мать из их ягод делала наливку, от которой у Кузьмы глаза на лоб лезли, а отец кряхтел и просил добавки. Рядом — кусты черешни, повыше, послаще, но их быстро обдирали птицы, сколько ни вешай пугала.

Слив было две — венгерка и синяя. Венгерку посадил отец, в память о родине, и мать каждый год ворчала: «Опять эта кислятина поспела, кто это есть будет?». А сама же и закатывала компоты на зиму.

Абрикос рос отдельно, на пригорке у пруда — огромный, раскидистый, в хороший год дававший столько плодов, что мать собирала вёдрами. И персик — всего одно дерево с удивительно сладкими, медовыми плодами.

Из кустарников мать особенно гордилась смородиной — чёрной, красной, белой, все три сорта в ряд. Крыжовник рос колючей стеной, но ягоды на нём были крупные, с куриное яйцо. Малина — два ряда, летняя и ремонтантная, дававшая урожай до самых заморозков.

Ближе к калитке отец посадил грецкий орех — в тени его ветвей стояла старая скамейка, где родители любили пить чай по вечерам. Ещё была алыча — мелкая, жёлтая, кисловатая, из неё мать варила варенье, которое Габор в детстве терпеть не мог, а теперь вдруг полюбил.

И конечно, виноград. Ласло Яношевич возился с ним как с ребёнком: укрывал на зиму, обрезал, поливал по часам. Сорт был «изабелла» — простой, урожайный, немного кисловатый, но для домашнего вина — самое то.

А за прудом, в самом дальнем углу, пряталась шелковица. Её ягоды — чёрные, сладкие, пачкающие всё вокруг — были лакомством для детей Веры, когда те приезжали. Габор в детстве лазил на неё сам, пока мать не застукала.

Вот такой сад. Не огромный, но ухоженный, как игрушка. Мать говорила: «Это моя аптека и мой супермаркет. Зачем мне город, когда у меня всё своё?». И это «всё своё» мать с отцом растили для него, Габора, для сестры и её семьи. А ещё продавали излишки на рынке в Краснодаре.

На участке стоял отдельный домик — две комнаты, кухня, санузел. Сдавали отдыхающим с мая по сентябрь. Место было тихое, до Краснодара близко, к Азовскому морю — тоже недалеко. Жильцы находились каждый сезон, иногда одни и те же приезжали по второму разу. И все уезжали довольные и с полными сумками экологических продуктов.

Сегодня у калитки Габор заметил чужую машину — серый «Хёндай» с московскими номерами.

- Приехал! — голос матери разнёсся по двору раньше, чем он успел выйти из машины.

Екатерина Чедия стояла на крыльце в цветастом переднике, статная, с косой уложенной в пучок и цепким взглядом донской казачки. Рядом курил отец, Ласло, сухой, жилистый, с такими же, как у сына, широкими плечами и глубоко посаженными глазами.

- Здравствуйте, орлы, — Габор обнял мать, потом отца. От Ласло пахло деревом и машинным маслом.

- Крышу обещал помочь, — напомнил отец без предисловий.

- Я помню, — Габор снял солнцезащитные очки. — Сейчас переоденусь.

- Пруд я сам почистил.

- Пап, зачем? Я же обещал.

- У тебя своих дел хватает. А вот крышу одному мне несподручно перекрывать.

- Ты голодный? — включилась мать. — Я борщ сварила. Свежий. И пирожки с картошкой. Пельменей налепила.

- Mam, я недавно завтракал.

- Какой завтрак? Уже обед! — Катерина махнула рукой. — Садись за стол, хлебай борщ.

- Мама, я правда не хочу.

- А кто тебя спрашивает? — Ласло усмехнулся и подмигнул сыну. — Она всё равно накормит. Не сопротивляйся.

Габор вздохнул. Это было бесполезно.

После борща он переоделся в старые джинсы и футболку, вышел к летней кухне. Крыша действительно требовала внимания — несколько листов старого шифера лопнули после зимних морозов. Отец уже подогнал лестницу, подал инструмент.

Работали молча, привычно. Ласло не любил болтать за делом. Только иногда бросал коротко: «Держи», «Гвозди подай», «Нет, криво». Габор слушался. В эти минуты он снова чувствовал себя мальчишкой, а не владельцем бизнеса.

Через два часа мать позвала к столу.

- Обедать! Бросайте! Потом доделаете.

На столе уже стояли пельмени со сметаной. Пирожки. Компот из собственной вишни.

- Габор, садись. Ласло, мой руки.

Отец послушно пошёл к умывальнику. Габор сел на лавку, с тоской глядя на тарелку.

- Я только один пирожок, мам. Честно.

- Один? — Катерина упёрла руки в бока. — Это кто такой худой? Это мой сын? Кожа да кости. Ешь!

- Mam, мне тридцать два года, я сам решаю, сколько есть и когда. И где ты видишь худобу?

- А я твоя мать, я решаю, чтобы ты был здоровый!

Ласло вернулся, вытер руки, сел напротив и тихо, с лёгким венгерским акцентом сказал:

- Катерина, оставь человека. Не хочет — не надо.

- Молчи, венгр, — беззлобно огрызнулась Катя. — Ты сам на пельмени как голодный волк набрасываешься, а сыночка пусть голодает.

- Пельмени — другое. — Ласло развёл руками. — Пельмени я уважаю.

Габор усмехнулся. Спор о еде был вечным ритуалом, как восход солнца.

Катерина Алексеевна тяжело вздохнула, убрала со стола лишнюю тарелку и как всегда выдала:

- Вот был бы ты женат, Габорушка, сидела бы рядом жена, она бы знала, что с этими продуктами делать. И тебя бы кормила правильно. А я бы только радовалась.

Габор медленно прожевал пирожок.

- Mam, мы это уже проходили.

- А я повторяю. Тридцать два года, не женат, детей нет. Сестра твоя моложе, а уже давно двоих родила.

- У сестры муж любимый есть, — напомнил Габор.

- А у тебя что? Машины? Парикмахерские? — Катерина не унималась. — Ты посмотри на Веру. Вера с Димой душа в душу живут, дети сыты, дом полная чаша. И продукты у них никогда не пропадают. Приедут они к нам — всё съедят, ничего не остаётся.

Это была правда. Вера, младшая сестра Габора, тридцати лет, и её муж Дима с двумя пацанами — погодками — навещали родителей часто. Дети орали, лазали по деревьям, требовали варенья. Дима помогал Ласло по хозяйству. Вера, помогая матери разговаривала с ней на их женском, непонятном Габору языке. И да, после их визитов холодильник пустел мгновенно.

- Вере хорошо, — сказал Габор. — У Веры муж не возражает, когда его кормят.

- А ты возражаешь? — подхватила мать. — Ты всегда отказываешься! То не хочу, то некогда, то худею. От кого худеешь, Господи? От кого?

- От себя, — буркнул Ласло.

Катерина метнула в мужа гневный взгляд, но тот невозмутимо отхлебнул компот.

Габор доел пирожок, вытер губы салфеткой и поднялся.

- Всё, мам. Спасибо. На сегодня хватит, я поеду.

- Как поедешь? — мать всплеснула руками и скрылась в доме.

Она появилась, как только услышала, что Габор вышел из уличного душа. С корзиной. Большой, ивовый, той самой, с которой ещё её бабка ходила по грибы. Корзина была доверху набита.

- Вот, бери, — мать поставила её на лавку и начала перечислять, загибая пальцы:

- Огурчики свежие, с утра сорвала. Помидорчики, розовые, не жёсткие. Перец сладкий, жёлтый, ты любишь. Пучок укропа, петрушки — отдельно завернула, чтобы не завяли. А это базилик, понюхай, какой душистый.

Габор понюхал. Душистый.

- Дальше, — мать не останавливалась. — Вишнёвая наливка, небольшая бутылочка. С Кузей твоим посидите. Не всю сразу, ради Бога. Это малина, перетёртая с сахаром, крышку не открывай, пока в холодильник не поставишь. Это варенье из крыжовника, это — из абрикосов. Две банки, не перепутай.

- Mam, — попытался вставить Габор.

- Не перебивай. — Она вытащила из корзины бумажный сверток. — А это молодой чеснок, новые головки. С хлебом будешь есть. От простуды. И от всего остального.

- От всего остального чеснок не помогает, — усмехнулся отец из-за спины.

- Молчи, венгр. — Катерина махнула на мужа рукой и продолжила. — Свежие персики и абрикосы — в этом кульке, они мягкие, не помни. И вот, шелковица, чёрная, нынче урожайная. Племянникам твоим ведром отправила, а тебе хоть горсть.

Габор смотрел на корзину. Там было всего понемногу, но всё вместе выглядело как недельный запас для роты солдат.

- Mam, я один живу.

- А ты знакомых зови. Кузьму там. Или девушку какую хорошую. — Она лукаво глянула на сына. — С такой корзиной не стыдно в гости прийти.

- Мне не к кому, — ответил Габор.

- Вот поэтому и не к кому, что без корзины ходишь, — отрезала мать.

Отец крякнул, пряча улыбку.

Габор вздохнул и поднял корзину. Тяжёлая.

Он понёс её к машине, аккуратно поставил на заднее сиденье. Мать шла следом, поправляла, причитала:

- Варенье не ставь вертикально, течёт. Наливку заверни в тряпку, а то разобьёшь. Огурцы ешь первыми, они нежные.

- Мам, я справлюсь.

- Справится он. Жениться бы справился.

Габор закрыл дверь, сел за руль. Мать осталась у калитки.

Ласло Яношевич вышел покурить, молча кивнул сыну.

Габор завёл мотор и медленно покатыл к выезду.

В зеркале заднего вида родители стояли рядом — мать махала платком, отец курил и смотрел вслед. Корзина на заднем сиденье пахла укропом, базиликом и домашним вареньем.

Глава 5.

Неделя тянулась как одно долгое, жаркое дыхание города.

Каждое утро начиналось одинаково. В шесть — подъём. В семь — БМВ уже рычал на парковке. В половине восьмого — «Крепость».

Кузьма Горелов встречал его у стойки, свежий, как огурчик из материнской корзины. Русые волосы зачесаны назад, глаза серые, спокойные, улыбка до ушей. Славянская внешность — открытая, фигура говорила сама за себя: широкие плечи, узкие бедра, рельефный пресс, который девушки просили потрогать, а Кузьма разрешал, но с условием: «Только после тренировки. И за деньги».

Татуировок у Кузьмы было много, но все скромные — волк на предплечье, геометрический узор на втором, пара надписей на рёбрах, которые он никому не показывал. Говорил, что там про бывшую. Врал, конечно.

Габор был другим.

Если Кузьма привлекал теплотой и доступностью, то Габор Чедия действовал как удар под дых. С первого взгляда. С первого шага. Венгерская кровь отца давала о себе знать: тёмные, почти чёрные волосы, жёсткие; глаза глубокие, карие, с вечной усталостью и вечным прищуром хищника, который никогда не расслабляется до конца. Брови вразлёт, скулы высокие, челюсть тяжёлая — лицо, которое не забудешь, даже если увидишь раз. Рост под сто девяносто, плечи — как коромысло, талия узкая, ноги длинные. В джинсах и простой футболке он выглядел как модель с обложки мужского журнала. В костюме — как человек, который этот журнал купил, потому что может себе позволить.

Но главной деталью была татуировка. Не наколка, а история.

Левая рука Габора от шеи до запястья была покрыта сложным чёрно-серым узором. С первого взгляда казалось, что это просто абстракция — витиеватые линии, разрывы, тени. Но если смотреть дольше, проступало дерево. Дуб.

Старый, корявый, с глубокой трещиной посередине ствола. Ветви уходили вверх и терялись где-то на плече, корни опускались к кисти, переплетаясь с венами. В трещине ствола, если присмотреться, была спрятана фигурка — маленький мальчик. Ни внутри, ни снаружи.

Эту татуировку Габор сделал в двадцать пять, после того как отец рассказал ему семейную легенду. Венгерская ветвь Чедий когда-то владела землями в Трансильвании. Потом всё потеряла. Остался только дуб, который посадил прапрадед в день рождения сына. Дуб рос триста лет, пока его не сломала буря в девяностые — как раз когда Ласло уехал в Россию.

Габор перевёл историю на кожу. Дуб — символ рода, который держится даже треснутым. Трещина — потерянный дом. А мальчик — это он сам. Никогда не живший там, но вечно к этому возвращающийся.

Кузьма называл татуировку «Габриковым позвоночником» и иногда, под настроение, водил пальцем по веткам, приговаривая: «Где тут твои корни? А где — наши? Тоже мне, мадьяр недоделанный».

Габор не обижался. Он знал, что Кузя единственный, кто понимает смысл.

После «Крепости» — время с клиентами в парикмахерской. Не каждый день, а по записи. Габор стриг только тех, кто просился к нему лично. Таких набиралось немного. Постоянные. Свои.

Андрей, который приходил раз в две недели ровно в обед и требовал «чтобы как в прошлый раз, но чуть короче». Дед Виталий, отставной военный, который любил поболтать про политику и засыпал в кресле. Парикмахерша Света из соседнего салона, которая на самом деле не нуждалась в стрижке, а хотела смотреть на Габора в зеркало. Пара молодых парней, которые

хотели быть похожими на него — с татуировками, с БМВ, с жизнью, которую они себе нафантазировали. Ну и родственники по мужской линии, в их числе Кузя.

Габор стриг молча или отвечал коротко. Не потому, что был злым. Просто такова его природа. Он не тратил слова на воздух. Лучше потом поболтать с Кузьмой.

Остальное время занимала тюнинг-мастерская. Там пахло железом, маслом и мужским счастьем. Габор мог часами возиться с подвеской, перебирать мотор, настраивать выхлоп. В такие моменты он ни о чём не думал. Вообще ни о чём. И это было лучшей терапией.

А вечерами — клубы.

Краснодар летом жил ночью. Днём город плавился, задыхался, прятался по кондиционерам. А после заката выходил на охоту.

Габор и Кузьма знали все места. От набережной, где танцевали под открытым небом, до подвальчиков на Северной, где подавали дорогой виски и ещё более дорогую возможность уединиться.

Они не ходили в клубы за любовью. Они ходили за разрядкой. Молодые тела требовали движения, адреналина, музыки, которая бьёт в грудь. И да — девушек. Потому что оба были красивы, оба были свободны, и оба знали, как этим пользоваться.

Кузьма в клубе был душой компании. Он танцевал, шутил, угощал коктейлями незнакомок, а через час мог исчезнуть с одной из них — всегда по обоюдному согласию, всегда без обязательств. Утром он пил протеин и делал вид, что ничего не было.

Габор в клубе был молчаливым центром притяжения. Он не танцевал. Не улыбался. Просто сидел в углу с виски, который якобы пил и наблюдал. И всё равно к нему подходили. По очереди. С разных сторон. Пытались заговорить, коснуться.

- Ты как магнит, Габрик, — сказал однажды Кузьма, наблюдая, как очередная брюнетка отходит от их столика с опущенными плечами. — Что ты им говоришь?

- Правду, — ответил Габор. — Что я не ищу знакомств.

- И это работает?

- Посмотри на неё. — Габор кивнул в сторону уходящей девушки. — Она ушла. Значит, работает.

Кузьма засмеялся, но спорить не стал.

В ту неделю было три клуба, четыре бара и одно утро, когда они с Кузьмой сидели на лавочке у «Крепости» с минералкой и смотрели, как солнце встаёт над Краснодаром.

- Слушай, — сказал Кузьма, щурясь от света. — А тебе не надоело?

- Что именно?

- Всё. Клубы. Девушки, которые хотят только твою татуировку потрогать. Утро в фитнес-клубе. Вечер в баре. Одиночество в перерывах.

Габор долго молчал. Потом посмотрел на свою левую руку — на дуб, на трещину, на маленького мальчика.

- Надоело, — сказал он тихо. — Но пока не знаю, чем заменить.

Кузьма хлопнул его по плечу.

- Заменится, Габрик. Всё заменяется. Рано или поздно.

Они допили минералку, разошлись по машинам, и день продолжился.

Обычный ритм. Обычная жизнь.

Глава 6.

Тюнинг-мастерская Габора пряталась в промзоне за ТЭЦ, в стороне от центральных улиц. Ни вывески. Ни рекламы. Железные ворота и домофон с кнопкой, на которой было написано «Чедия». Клиенты находили его по сарафанному радио. Те, кому доверяли. Те, кто платили не торгуясь.

Габор заканчивал регулировать развал-схождение на чёрном «Лексусе» постоянного клиента, в воротах возникла фигура.

Знакомая.

Тёмные волосы теперь распущены, падают на плечи, белая блузка расстёгнута на две пуговицы, джинсы сидят как влитые, туфли на шпильке — для мастерской странный выбор.

Та самая. Настойчивая.

- Привет, Габор, — она улыбнулась, цокая каблуками по бетонному полу. — Долго тебя искала. Твой администратор Лена такая скрытная, но я нашла. Поговорила с кем надо.

Габор вытер руки ветошью, медленно выпрямился.

- Зачем?

- Зачем? — она обвела взглядом мастерскую. — Пригнала машину. Говорят, ты лучший не только по стрижкам, но и по железу.

- Кто говорит?

- Не важно. — Она кивнула в сторону выезда. — Там моя «Киа», пятая модель. Хочу подвеску чуть ниже, диски литые, выхлоп побольше басов. И шумку салона.

Габор посмотрел на неё спокойно.

- Запись через неделю. Администратор даст время.

- А если я хочу сегодня? — она сделала шаг вперёд, сократив расстояние. — И прямо сейчас?

- Тогда через две недели.

Она не отступила. Наоборот — приблизилась ещё на полшага, так что Габор почувствовал её запах — цветочный, приторный, дорогой.

- Ты всегда такой непрístupный? — спросила она тихо.

- Я всегда занятой.

- А ночью? — её голос стал ниже. — Ты ночью тоже занятой?

Габор не шевельнулся.

- К чему ты ведёшь?

Она улыбнулась — той самой улыбкой, быстрой, опасной.

- К тому, Габор Чедия, что ты мне нравишься. И я не привыкла долго ждать. — Она положила ладонь ему на грудь, провела пальцем по вороту футболки. — Сегодня вечером. Мой бар. Моя постель. Твоё удовольствие. Без обязательств. Просто ночь. А там посмотрим.

Габор взял её за запястье — не больно, но твёрдо — и убрал руку.

- Нет.

- Почему? — она не смутилась. Даже бровью не повела. — Ты свободен? Я свободна. Мы оба взрослые. Какие проблемы?

Он посмотрел ей в глаза — спокойно, без злости, без презрения. Только констатация факта.

- Проблема в том, что я не коллекционирую девушек, которые навязчивые.

Она замерла.

Впервые за всё время на её лице мелькнуло что-то похожее на растерянность.

- Ты серьёзно?

- Абсолютно.

Она отступила на шаг. Потом на второй.

- Думаешь, ты слишком хорош для меня?

- Я думаю, мы слишком разные, — ответил Габор. — Тебе нужна игрушка. Я так не играю.

Она постояла секунду, разглядывая его — то ли оценивая, то ли запоминая. Потом усмехнулась, поправила волосы и направилась к выходу.

У ворот обернулась:

- Ты ещё пожалеешь, Чедия.

- Вряд ли, — ответил он.

Дверь мастерской хлопнула.

«Киа» за окном взвизгнула шинами и унеслась в сторону выезда.

Габор выждал минуту, достал телефон, набрал Кузьму.

- Алло.

- Кузь, та навязчивая клиентка приезжала в мастерскую.

- Та, с намёками?

- Она самая.

- И что?

- Предложила ночь.

- А ты?

- Отказал.

В трубке повисла пауза. Потом Кузьма тихо, с уважением сказал:

- Железный ты человек, Габрик.

- Нет, — ответил Габор, глядя на левую руку — на дуб. — Просто знаю, чего хочу. И чего не хочу.

- И чего ты хочешь?

- Тишины, — сказал Габор. — Хотя бы на одну ночь.

Кузьма не нашёлся, что ответить.

Габор сбросил вызов, вернулся к «Лексусу» и продолжил работать.

Мастерская снова наполнилась привычным гулом.

Глава 7.

Габор выключил сварку, снял маску и некоторое время просто стоял, глядя в стену. И думал о том, что навязчивая клиентка уехала. «Киа» скрылась за поворотом, и в мастерской снова воцарился привычный порядок: запах масла, гул компрессора, равномерный стук инструмента.

Но внутри Габора порядок не наступил.

Он знал этот тип женщин. Не по книгам — по жизни. Такие не сдаются после первого отказа. И после второго тоже. Они привыкли получать своё. И привыкли, что мужчины ведутся на простую формулу: «Я красивая — ты сильный — зачем всё усложнять?»

Габор бросил ветошь в сторону, подошёл к окну, выглянул на улицу. Пусто.

«Мой бар», — всплыло в голове. Она сказала: «Мой бар». Не «любимый», не «знакомый». «Мой».

Он полез в телефон, нашёл номер Глеба. Габор не собирался ему звонить. Он собирался вспомнить. И вспомнил.

Глеб, ещё когда работал в мастерской, как-то за утренним кофе трепался без умолку. Про клубы, про девок, про свои похождения. И между прочим обронил:

- Слышь, Габор, есть тут один бар — «Адреналин» называется. Недалеко от вашей парикмахерской, улица Будённого, дом такой серый. Вход с торца. Там владелица — молодая, тёлка ещё та. У неё папочка крутой, говорят, свои люди в администрации. А она вообще без тормов. Если мужик приглянулся — пока на нём не поскачет, не отвяжется. Я сам не был, но ребята рассказывали.

Габор тогда не придал значения. Глеб трепался постоянно — то про миллионные сделки, то про девок из высшего общества. Но сейчас слова бывшего механика зазвучали иначе.

«Улица Будённого. Серый дом. Вход с торца.»

Она сама назвала тот самый бар. Значит, не врал Глеб.

Габор усмехнулся — жёстко, без веселья. «Уж не она ли?»

Он прошёлся по мастерской, потрогал инструмент, поправил ключи на магнитной ленте. Потом остановился и сказал себе вслух, тихо, нарочно спокойно:

- Мы тоже не лыком шиты. И покруче есть.

И тут же подумал о муже сестры.

Дима, Дмитрий Александрович Суворов. Многие его называли просто — «Саныч», потому что отчество уважали больше имени. Сын областного прокурора. Человек серьёзный, молчаливый, с цепким взглядом и такой же фамилией, которая открывала любые двери в Краснодаре. Познакомилась Вера с ним в клубе Кузьмы.

Да и двоюродный брат матери был не простым человеком. И это была не просто случайность. Потому что отец Кузьмы — Горелов Алексей Петрович — полковник полиции. Служил в Венгрии, в составе советского контингента. Там и познакомился с Ласло Чедией, который работал механиком на автотранспортной базе советских войск. Венгр Ласло чинил Уралы, ЗИЛы и полковничью «Волгу». Горелов пил с ним чай в казарме и удивлялся, как этот молчаливый парень умудряется собрать рассыпающийся двигатель за полсмены.

А когда Горелов демобилизовался и уехал обратно в Краснодар, Ласло махнул следом. Говорил: «Надоело без настоящей работы. В России руки нужнее».

В Краснодаре Ласло быстро нашёл место в автосервисе. Горелов помог с документами, с жильём. Спустя время, привёл его стричься. В мужскую парикмахерскую, где работала молодая мастерица Катерина — да, та самая, которая была двоюродной сестрой самого Алексея

Петровича. Катерина тогда жила с родителями в квартире в центре — в той самой, где теперь жил Габор. Работала, крутилась, женихов отгоняла.

Ласло зашёл подстричься — и всё. Пропал. Ходил каждую неделю, хотя стричь было нечего. Сидел в кресле, молчал, смотрел на Катерину в зеркало.

Через три месяца сделал предложение.

Катерина, по словам бабушки, «ломалась для приличия месяц». Потом согласилась.

Именно Ласло — уже когда родился Габор, уже перебравшись в свой дом за городом — привил сыну любовь к технике. С трёх лет Габор крутился в гараже, подавал отцу ключи, тёр руки ветошью. Ласло не сюсюкал, не хвалил почём зря. Но иногда, вытирая мазут с мальчишечьих пальцев, говорил:

- Запомни, сынок. Руки прокормят. Что бы ни случилось — пока руки работают, ты живёшь. Деньги кончатся, связи порвутся, девушки уйдут. А руки останутся.

Габор запомнил.

И теперь, стоя в мастерской глядя на свои руки — в масле, с татуировкой от шеи до запястья — он подумал, что отец был прав. Руки прокормят. И защитят, если надо. И откажут тому, кто пытается скакать без приглашения.

Он ещё раз посмотрел на телефон. Может, позвонить Кузьме? Рассказать про бар «Адреналин»? Или не стоит?

Решил: не стоит. Пока.

Но запись в голове появилась:

«Адреналин. Будённого. Вход с торца. Но бар тот же. Либо Глеб врал, либо она была там.»

Поработает ещё час — и домой.

Тишина всё ещё ждала его.

Но Габор уже начинал подозревать, что тишине, возможно, скоро придёт конец. И не факт, что это плохо.

Глава 8.

Тишины Габор не дождался.

Он только успел заварить зелёный чай, расстелить ноутбук и на полпути войти в отчёты, как в дверь трижды громко и нагло — бам-бам-бам.

Кузьму он узнал бы даже по дыханию.

- Открывай, Габрик! — голос друга гремел в прихожей. — Не спи! Солнце ещё высоко!

Габор вздохнул, поставил кружку на стол и пошёл открывать.

На пороге стоял Кузьма. И не один.

За его широкой спиной маячили две девушки. Обе молодые, обе улыбающиеся, обе с любопытством разглядывающие холостяцкое жилище Габора через его плечо.

- Габрик, знакомься, — Кузьма шагнул внутрь, бесцеремонно скинул кроссовки и потянул девушек за собой. — Это Лена, это Алина. Девочки, это Габор. Мой троюродный брат. Лучший в городе. И не только в стрижках.

Девушки засмеялись. Лена — блондинка, высокая, длинноногая, оценивающе посмотрела на квартиру. Алина — брюнетка, пониже, с живыми глазами и лёгкой улыбкой — разувалась молча, с достоинством.

Габор перевёл взгляд на Кузьму.

Вот так, без звонка. Без предупреждения. Заявился с двумя. Всё в «кузякинском стиле»

Кузьма подошёл вплотную, наклонился к уху и шепнул так, чтобы девочки не слышали:

- Тебе надо расслабиться, Габрик. Три недели прошло. Уже можно. Я тебя знаю — ты себя изводишь.

Габор посмотрел на друга с укором. Три недели. Три недели и два дня, если быть точным. С того утра, когда Настя собрала вещи и ушла, хлопнув дверью с криком: «Ты вообще жениться не собираешься, Чедия! А я хочу семью!»

Она хотела замуж. Он с ней — нет. И сказал ей это честно. Но она решила, что переиграет. Что он изменится. Что достаточно намеков, давления, слёз и одного конверта с тестом на две полоски, который оказался чужим, но это выяснилось уже после скандала.

Габор тогда промолчал. Просто помог собрать чемодан.

Но осадок остался.

- Ладно, — сказал он вслух, тяжело вздохнув, и посторонился, пропуская гостей. — Проходите.

Кузьма довольно оскалился.

- Я же говорил — он у нас радушный.

Квартира Габора была просторной, но по-мужски сдержанной. Тёмные тона, кожаный диван, на стенах — несколько абстрактных картин и фотография родителей на свадьбе. Ничего лишнего. Порядок, за который мать хвалила, а гости удивлялись: «Холостяк, а не свинарник».

- У вас красиво, — сказала Алина, оглядываясь.

- Спасибо, — ответил Габор коротко и направился к холодильнику.

Кузьма уже хозяйничал на кухне, открывая ящики и удивляясь:

- Габрик, ну ты даёшь! Тётя Катя?

- Мать, — ответил Габор, доставая заветную бутылочку вишнёвой наливки. — Напихала целую корзину.

- О, это дело! — Кузьма взял бутылку, покрутил, прочитал этикетку (Знакомый почерк: «Вишнёвая. Не всю сразу, ради Бога»). — Тётя Катя — гений.

- А что мы будем есть? — спросила Лена, заглядывая в холодильник.

- Сейчас сообразим, — Кузьма закатал рукава. — Габрик, тащи разделочную доску. Девочки, не стойте столбом — нарежьте овощи.

Габор не возражал. Он достал всё: свежие огурцы, помидоры, перец, зелень. Достал из морозилки стейки из говядины.

Ужин готовили вместе. Не потому, что Габор с Кузьмой умели готовить — они умели правильно питаться. Без майонеза, без лишнего сахара.

Наливка стояла на столе, но к ней почти не притронулись. Кузьма сделал по глотку для тоста, девушки — по чуть-чуть, Габор так и оставил свою рюмку полной.

Они ели, смеялись, болтали ни о чём. Лена оказалась говорливой, Алина — внимательной слушательницей. Кузьма травил байки из клуба, Габор изредка вставлял короткие фразы, но в основном молчал, наблюдая.

К десяти вечера Кузьма подмигнул Габору, шепнул: «Не скучай», — и увёл Лену.

Дверь за ними закрылась.

В квартире остались Габор и Алина.

Она смотрела на него спокойно, без вызова. Положила руку ему на плечо и тихо спросила:

- Оставить тебя одного или составить компанию?

Габор посмотрел на неё — не хищно, а устало, но с интересом.

- Оставайся, — сказал он.

И ночь была жаркой.

Не потому, что краснодарский июнь не сдавал позиций. А потому, что три недели пустой постели и жизнь по расписанию дали трещину.

Алина не задавала вопросов о бизнесе. Не трогала татуировку. Не спрашивала, почему он не женат. Она просто была рядом — тёплая, живая, без обязательств.

Утром Габор проснулся первым. Алина ещё спала, разметавшись по простыням. Он осторожно встал, заварил кофе, вышел на балкон.

Краснодар просыпался. Где-то сигналили, где-то громко включали телевизор. Обычный день.

Он посмотрел на свою левую руку.

- Тишины не дождался, — сказал он сам себе.

И усмехнулся. Не горько. Скорее — устало. Но это была другая усталость. Без отчаяния. Просто знание того, что жизнь идёт своим чередом. И иногда в неё врываются друзья с девушками, мамиными наливками и предложениями расслабиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.